

Содержание

<i>Предисловие</i>	9
I. ПОСЛЕДНЯЯ ЛЕКЦИЯ	13
II. ВОПЛОТИ В ЖИЗНЬ СВОИ ДЕТСКИЕ МЕЧТЫ	35
III. Авантюры... и усвоенные уроки	81
IV. ДАВАЙ ВОЗМОЖНОСТЬ ДРУГИМ ЛЮДЯМ ВОПЛОЩАТЬ ИХ МЕЧТЫ	139
V. КАК ЖИТЬ СОБСТВЕННОЙ ЖИЗНЬЮ	171
VI. И НАКОНЕЦ...	263
<i>Благодарность</i>	286

Предисловие

У меня возникла «техническая» проблема. Большую часть жизни я находился в прекрасной физической форме, но сейчас у меня десять опухолей в печени, и мне осталось жить всего несколько месяцев.

У меня трое маленьких детей. Я женат на женщине своей мечты. Я мог бы преисполниться жалости к себе, но понимаю, что это не принесет ничего хорошего ни мне, ни им.

Так как же следует использовать отпущенный мне короткий срок?

Естественно, мне хотелось бы как можно больше времени проводить с семьей и по мере возможности позаботиться об их благополучии. Пока я в силах, я каждую минуту буду проводить с ними. Я сделаю все, чтобы облегчить их жизнь после того, как меня не станет.

Но есть и менее очевидная сторона. Как передать моим детям то, чему я должен был научить

их за следующие двадцать лет? Пока они еще слишком малы для подобных бесед. Все родители стремятся научить своих детей отличать хорошее от плохого и справляться с жизненными трудностями, рассказать им о самом важном. Все мы хотим, чтобы дети знали о нашей жизни — хотя бы для того, чтобы не повторять наших ошибок. И тогда я решил прочитать «последнюю лекцию» в университете «Карнеги-Меллон».

Эта лекция была записана на видео. Я знал, что делал в тот день. Я хотел, чтобы эта лекция помогла мне загнать себя в бутылку, которую в один прекрасный день море выбросит на пляж, прямо под ноги моих детей. Если бы я был художником, то написал бы для них картину. Если бы я был музыкантом, то сочинил бы музыку. Но я — лектор. Поэтому я прочитал лекцию.

Я говорил о радости жизни, о том, как она хороша, несмотря на то, что мне осталось жить совсем недолго. Я говорил о честности, цельности, благодарности — словом, обо всем, что волнует меня и мне дорого. И я очень старался сделать так, чтобы моя лекция не была скучной.

Эта книга позволила мне продолжить начатое на сцене. Время — величайшая драгоценность, и я хочу потратить его на своих детей. Я попросил помочь мне Джеффри Заслоу. Каждый день я ка-

тался на велосипеде, занимался физическими упражнениями, необходимыми для здоровья. Во время пятидесяти трех долгих велосипедных прогулок я разговаривал с Джефффри по мобильному телефону. А потом он много часов потратил на то, чтобы выбрать из моих историй самые интересные. Полагаю, мы могли бы назвать эту книгу «Пятьдесят три лекции». Так она и появилась.

С самого начала мы понимали: эта книга не сможет заменить детям общения с отцом. Но «технари» не всегда ищут оптимальные решения. «Технарь» должен сделать все, что в его силах, и использовать те ресурсы, которые есть в его распоряжении. И эта книга — моя попытка поступить так, как должен поступить хороший «технарь».

Раненый лев все еще хочет рычать

Многие профессора читают «последние лекции». Возможно, вам даже доводилось бывать на них.

В университетских кампусах это обычное дело. Профессоров просят поделиться своими соображениями и поговорить о том, что для них важнее всего. И во время таких лекций слушатели не могут избавиться от одной и той же мысли: «Какой мудростью мы могли бы поделиться с миром, если бы знали, что это — последняя возможность?»

Если завтра нам предстоит исчезнуть, какое наследство мы хотели бы после себя оставить?

На протяжении многих лет в университете «Карнеги-Меллон» читались «последние лекции». В тот момент, когда организаторы предложили мне участвовать в этом проекте, он назывался «Странствия». Профессорам предлагалось «поделиться мыслями о своих личных и профессиональных странствиях». Это меня не особенно

вдохновило, но я все же согласился. Моя лекция была назначена на сентябрь.

В то время я уже знал, что у меня рак поджелудочной железы, но был преисполнен оптимизма: вдруг мне посчастливится, и я окажусь среди тех, кому удалось выжить.

Я проходил курс лечения, а организаторы посылали мне электронные письма. «О чем ты будешь говорить? — спрашивали меня. — Пожалуйста, расскажи о чем-нибудь абстрактном». Университетские формальности нельзя игнорировать, даже если человек занят другими вещами — например, если он борется со смертью. К середине августа мне сообщили, что пора печатать афиши, поэтому я должен определить тему.

Но на той же неделе я узнал страшную новость. Лечение не принесло результатов. Мне осталось жить несколько месяцев.

Конечно, я мог отменить лекцию. Меня бы все поняли. Я неожиданно осознал, что мне нужно еще очень многое успеть. Я должен был справиться со своим горем и с горем близких. Мне нужно привести в порядок свои дела и дела моей семьи. И все же, несмотря ни на что, я не мог отказаться от этой лекции. Меня вдохновляла мысль о том, что моя «последняя лекция» действительно станет последней. Что мне сказать? Как воспри-

мут мои слова слушатели? Смогу ли я с этим справиться?

«Они позволят мне отказаться, — сказал я своей жене Джей, — но мне очень хочется, чтобы лекция состоялась».

Джей всегда и во всем поддерживала меня. Разделяла мои чувства и стремления. Но идея этой последней лекции пришлось ей не по душе. Мы только что переехали из Питтсбурга на юго-восток Вирджинии, чтобы, когда меня не станет, Джей и дети жили рядом со своими родными. Джей казалось, что я должен провести оставшееся драгоценное время с детьми и семьей или хотя бы за обустройством нового дома, а не за написанием лекции. Кроме того, читать ее пришлось бы в Питтсбурге.

«Ты можешь счесть меня эгоисткой, — сказала мне Джей, — но я не хочу тебя ни с кем делить. То время, что ты будешь работать над лекцией, — потерянное. Ты отрываешь его у детей и у меня».

Я понимал, что она имеет в виду. С того момента, как я заболел, я был очень внимателен к Джей и выполнял все ее желания. Я считал своим долгом максимально облегчить тот груз, который лег на ее плечи из-за моей болезни.

За время моей академической карьеры я прочел немало неплохих лекций. Но считаться луч-

Логан, Хлоя, Джей, я и Дилан

шим лектором на факультете компьютерной техники — все равно что считаться самым высоким из семи гномов. Мне всегда казалось, что я могу сделать больше. Я думал, что если отдам все, что во мне накопилось, то смогу предложить людям нечто особенное.

«Мудрость» — высокое слово, но, может быть, мне действительно удастся поделиться мудростью.

Джей была расстроена. Мы обсудили эту проблему с Мишель Рейс, психотерапевтом, помогающим семьям, в которых есть умирающие.

«Я знаю Рэнди, — сказала Джей доктору Рейс. — Он трудоголик. Я знаю, кем он станет, когда начнет готовиться к лекции. Это займет все его время». Джей боялась, что лекция будет отвлекать меня от решения важных проблем, появившихся в нашей жизни.

Ее беспокоил и другой аспект. Чтобы прочесть лекцию в назначенное время, мне придется вылететь в Питтсбург днем раньше, а это был день ее рождения. Джей исполнился сорок один год. «Это последний день рождения, который мы сможем отпраздновать вместе, — сказала она. — Ты действительно хочешь бросить меня в этот день?»

Конечно, эта мысль была для меня мучительна. И все же я не мог отказаться от лекции. Я понимал, что это единственная возможность попрощаться с моей работой. Мне хотелось так прочесть последнюю лекцию, чтобы она могла сравниться с выступлением старого бейсболиста, который выходит на поле, готовясь бросить последний мяч. Мне *всегда* нравилась заключительная сцена в старом фильме, где стареющий, исте-

кающий кровью бейсболист каким-то чудом совершает свой последний удар.

Доктор Рейс выслушала и меня, и мою жену. Она сказала, что Джей — сильная, любящая женщина, надеявшаяся прожить долгие годы рядом с мужем и детьми. Теперь же нам осталось быть вместе всего несколько месяцев. Я же, по мнению Мишель, мужчина, который все еще не готов целиком сосредоточиться на доме и семье и оказаться на смертном одре. «Эта лекция станет для моих близких последней возможностью увидеть меня во плоти, — сказал я. — А я получил шанс подумать о том, что для меня действительно важно. Таким меня запомнят мои слушатели. Я должен прочесть самую замечательную лекцию в моей жизни».

Доктор Рейс говорила, что видит, с каким уважением мы относимся друг к другу. Ее глубоко тронуло наше решение провести вместе последние месяцы. Но принять за меня решение относительно лекции она не может. «Вы должны решить это сами», — сказала она и посоветовала нам прислушаться друг к другу, чтобы найти верный выход.

Столкнувшись с сопротивлением со стороны Джей, я понял, что должен честно проанализировать свои мотивы. Почему эта лекция так важна для меня? Может быть я хочу напомнить себе и окружающим, что я все еще жив? Доказать, что у

меня еще есть силы? Не хочется ли мне в последний раз оказаться в свете рампы? Все эти утверждения были верны. «Раненый лев хочет знать, что он все еще может рычать, — сказал я Джей. — Это вопрос достоинства и самооценки, а не тщеславия».

Здесь было и нечто другое. Я стал рассматривать последнюю лекцию как средство для того, чтобы попасть в будущее, которое мне не суждено увидеть.

У нас с Джей маленькие дети: пять, два и всего год. «Подумай, — сказал я супруге. — Пятилетний Дилан вырастет и будет помнить обо мне очень немного. Что он сможет запомнить? Что мы с тобой запомнили из того, что происходило с нами в пять лет? Будет ли Дилан помнить, как мы с ним играли и смеялись? В лучшем случае у него в памяти останется несколько забавных эпизодов.

А Логан и Хлоя? Они вообще ничего не запомнят. Ничего. Особенно Хлоя. Я хочу тебе сказать важную вещь. Когда дети подрастут, им захочется понять, кем был их отец, каким он был. Лекция даст мне возможность вернуться к ним». Я сказал Джей, что попрошу обязательно записать мое выступление на видео. «Я оставляю тебе диск. Когда дети станут старше, ты сможешь по-

казать им его. Это поможет им понять, кем я был и что было для меня важно».

Джей выслушала меня и задала естественный вопрос: «Если тебе есть, что сказать детям, если ты хочешь дать им совет, то почему бы тебе не поставить камеру на штатив и не записать все это в нашей гостиной?»

Возможно, она была права. А может быть, нет. Подобно льву, живущему в саванне, я всю жизнь провел в университетском кампусе среди студентов. «Я усвоил очень важную вещь, — сказал я Джей. — Когда родители хотят что-то внушить своим детям, внешняя оценка — незаменимая вещь. Если я смогу заставить слушателей в нужном месте смеяться или хлопать, может быть, это придаст вес тому, что я хочу сказать детям».

Джей улыбнулась мне, своему умирающему шоумену, и в конце концов согласилась. Может быть, эта лекция станет важной частью моего наследства.

Получив согласие Джей, мне предстояло решить другую важную проблему. Как превратить академическую лекцию в нечто такое, что спустя десять лет или больше поможет моим детям выбрать верную дорогу в жизни?

Я точно знал, что не хочу говорить о раке. Моя медицинская сага сложилась так, как сложилась, и я уже пережил ее. Мне было неинтересно

рассказывать о том, как я боролся с болезнью, как она открыла передо мной новые перспективы. Многие, наверное, ожидают, что эта лекция будет об умирании. Но я хотел рассказать об *умении жить*.

* * *

«Что делает меня уникальным?»

На этот вопрос я хотел найти ответ. Может быть, тогда я пойму, о чем должна быть лекция. Мы с Джей сидели в приемной врача, ожидая очередных результатов. Я поделился с ней своими мыслями.

«Рак не делает меня уникальным», — сказал я. И с этим не поспоришь. Диагноз «рак поджелудочной железы» ежегодно ставят 37 тысячам американцев.

Я думал о ролях, которые играл в жизни: учитель, компьютерщик, муж, отец, сын, друг, брат, наставник студентов. Все это очень важно. Но делало ли меня особенным исполнение какой-либо из этих ролей?

Я всегда очень трезво относился к себе, но понимал, что для лекции потребуется нечто большее, чем просто бравада. Я спросил себя: «Что я, именно я, могу предложить своим слушателям?»

И тут, прямо в приемной, я неожиданно понял. Это снизошло на меня, как озарение! Каковы

Рэнди Пауш

бы ни были мои достижения, все, что я любил, своими корнями уходило в те мечты и цели, которые я ставил перед собой в детстве... И, так или иначе, мне удалось воплотить почти все! Я понял, что моя уникальность заключалась в конкретности всех моих мечтаний — от почти невыполнимых до самых необычных. Именно это и определило сорок шесть прожитых мною лет. Я знал, что, несмотря на рак, могу считать себя счастливым человеком, потому что мне удалось реализовать эти мечты. И этим я, в большой степени, обязан тому, что меня учили выдающиеся люди. Если я смогу рассказать свою историю с той же страстью, какую испытывал в тот момент, моя лекция сможет помочь другим людям найти путь к реализации своих мечтаний.

Со мной был ноутбук. Вдохновленный принятым решением, я тут же отправил электронное письмо организаторам лекций. «Прошу меня извинить за задержку, — писал я. — Назовите мою лекцию так: «Как исполнить мечты детства».

Моя жизнь в компьютере

Где вы храните свои детские мечты? Как вы помогаете другим добиваться желаемого? Будучи ученым, мне нечасто приходилось давать ответы на подобные вопросы.

Четыре дня я просидел за компьютером, просматривая и отбирая слайды и фотографии для предстоящей лекции. Я привык мыслить визуально и привык выступать без текста — без написанного текста лекций. Но мне пришлось просмотреть 300 фотографий моей семьи, моих студентов и коллег и десятки иллюстраций, связанных с мечтами детства. На некоторых слайдах я писал несколько слов — советы, поговорки. Когда я буду на сцене, они напомнят мне о том, что я хотел сказать.

Работая над лекцией, я каждые полтора часа поднимался из-за стола, чтобы пообщаться с детьми. Джей видела, что я пытаюсь не отрываться от семейной жизни, но ей все равно казалось,

что я трачу на подготовку лекции слишком много времени — особенно если учесть, что мы только что переехали в новый дом. Естественно, что ей хотелось, чтобы я помог разобрать коробки, которыми были заставлены все комнаты.

Сначала Джей не собиралась присутствовать на лекции. Ей казалось, что лучше остаться в Вирджинии с детьми. Я же продолжал твердить: «Я хочу, чтобы ты была со мной». На самом деле я отчаянно в ней нуждался. И в конце концов Джей согласилась прилететь в Питтсбург в день выступления.

Мне же нужно было прилететь днем раньше, то есть в день рождения жены. 17 сентября в 13.30 я покинул наш дом. Я поцеловал на прощание жену и детей и отправился в аэропорт. День рождения Джей мы отметили днем раньше. Родственники собрались в доме брата Джей. И все же мой отъезд был неприятным напоминанием о том, что с этого дня моей супруге придется отмечать дни рождения без меня.

Самолет приземлился в Питтсбурге. В аэропорту меня встречал мой друг, Стив Сиболт. Он специально для этого прилетел из Сан-Франциско. Мы познакомились несколько лет назад, когда я работал в компании Electronic Arts. Я разрабатывал видеоигры, а Стив руководил компанией. Мы стали очень близки, почти как братья.

Мы со Стивом обнялись, взяли машину и поехали в город, сдабривая беседу изрядной долей черного юмора. Стив сказал, что он только что был у дантиста, а я пошутил, что мне теперь больше не нужно будет проходить это мучение.

Мы завернули в местное кафе, чтобы пообедать. Я поставил на стол ноутбук и стал пролистывать слайды, количество которых сократилось до 280. «Это слишком много, — сказал мне Стив. — К тому моменту, когда ты закончишь, все просто умрут».

Когда на экране появилась фотография моих детей, к нашему столику подошла официантка, беременная тридцатилетняя женщина с тусклыми волосами. «Какие милые малыши», — сказала она и спросила, как их зовут. Я ответил: «Это Дилан, Логан, Хлоя...» Официантка сказала, что ее дочь тоже зовут Хлоя. Мы улыбнулись друг другу. Мы со Стивом продолжили листать слайды. Стив помогал мне сосредоточиться.

Когда официантка принесла наш заказ, я поздравил ее. «Вы, наверное, очень счастливы, что у вас будет ребенок», — сказал я.

«Не совсем, — ответила она. — Это произошло случайно».

Она расставила тарелки и отошла. Я был поражен ее искренностью. Ее замечание напомнило мне о случайностях, которые определяют наш

приход в эту жизнь... и наш уход из нее. Передо мной стояла женщина, которая не собиралась иметь ребенка, но которая уже готова была полюбить его. А в моей жизни произошла другая случайность: из-за рака мне предстояло оставить троих детей, а им — расти без моей любви.

Спустя час, оставшись в одиночестве в гостиничном номере, я продолжал вспоминать и обдумывать этот разговор. Беспроводной Интернет в номере работал неважно, и это раздражало меня, потому что я все еще рыскал по Всемирной паутине в поисках подходящих образов. К тому же я начал ощущать влияние химиотерапии, курс которой проходил несколькими днями раньше. Меня мучила тошнота и диарея.

Я работал до полуночи, потом уснул и проснулся в пять утра в полной панике. В глубине души я сомневался, что из моей лекции что-то получится. Я твердил себе: «Ничего не выйдет, если ты попытаешься за час рассказать людям всю свою жизнь!»

Я продолжал обдумывать, переделывать и менять. К одиннадцати утра я почувствовал, что все как-то складывается. Возможно, это сработает. Я принял душ и оделся. В двенадцать часов из аэропорта приехала Джей, и мы вместе со Стивом отправились обедать. Разговор был невеселым.

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЕКЦИЯ

Стив поклялся помогать Джей и детям, когда меня не станет.

В 13.30 компьютерная лаборатория в кампусе, где я провел большую часть своей жизни, была отдана в мое распоряжение. Я увидел свое имя над дверью. В 14.15 я был в своем кабинете и снова почувствовал себя плохо. Я был совершенно без сил и подумывал над тем, чтобы выйти на сцену в подгузнике для взрослых.

Стив сказал, что мне нужно хоть ненадолго прилечь, и я подчинился, но все же поставил ноутбук на живот, чтобы продолжить работу. Я удалил еще шестьдесят слайдов.

В 15.30 люди потянулись на мою лекцию. В 16.00 я поднялся с дивана, собрал материалы и пошел через кампус к лекционному залу. Меньше чем через час мне предстояло выйти на сцену.

Слон в комнате

Удивительно, но все 400 мест были заняты. Я прошел к сцене, чтобы все проверить. Джей была уже в зале и видела, что я страшно нервничаю. Она заметила, что, разбирая материалы, я старался ни с кем не встречаться взглядом. Зрительный контакт — очень эмоциональное состояние. Джей показалось, что я пытаюсь избежать лишних эмоций.

В зале прошел шепоток, и я собрался с силами. Те, кто пришел посмотреть, как выглядит человек, умирающий от рака поджелудочной железы, скорее всего, думали, мои ли это волосы (да, мне удалось сохранить их во время химиотерапии). Смогут ли они почувствовать, насколько я близок к смерти, когда я буду выступать (я тогда подумал: «Вот посмотрите!»)?

Хотя от начала лекции меня отделяло всего несколько минут, я продолжал листать слайды, что-то удаляя, что-то переставляя с места на

место. Я продолжал работать даже тогда, когда пора было начинать. Кто-то сказал мне: «Мы готовы слушать».

* * *

Я не надел костюм, не надел галстук. Я не собирался выходить перед этими людьми в традиционном профессорском твидовом пиджаке с кожаными заплатками на локтях. Я предпочел читать лекцию в той одежде, которая более всего соответствовала моим детским мечтам.

На первый взгляд я напоминал парня, который развозит пиццу по заказам. Но на самом деле логотип на моей рубашке был знаком отличия, потому что такой логотип носили те, кто работал в Walt Disney Imagineers, — художники, сценаристы и инженеры, создавшие великолепный парк развлечений. В 1995 году я полгода работал в этой компании. Это было лучшее время в моей жизни, когда исполнились все мои детские мечты. Вот почему я надел и овальный бейджик со своим именем. Его вручили мне, когда я работал на Диснея. Я собирался отдать дань уважения этому периоду жизни и лично Уолту Диснею, который когда-то сказал: «Если ты можешь мечтать, то можешь и воплотить свои мечты в жизнь».

Я поблагодарил собравшихся, отпустил несколько шуток, а потом сказал: «Для тех, кто оказался

здесь случайно и не знает предыстории этой лекции, скажу то, что всегда говорил мне отец. Если в комнате есть слон, познакомься с ним. Если бы вы посмотрели на результаты моей компьютерной томографии, то узнали бы, что у меня около десяти опухолей. Врачи сказали, что мне осталось жить три-шесть месяцев. Это было месяц назад. Вычисления можете сделать сами».

Я послал на экран огромный компьютерный снимок, сделанный томографом. Подпись гласила: «Слон в комнате». Я заранее нарисовал несколько красных стрелок, указывающих на опухоли.

Я не стал сразу же менять слайд, чтобы слушатели могли сосчитать мои опухоли. «Все в порядке, — сказал я. — Так это выглядит. Мы не в силах этого изменить. Нам просто нужно решить, как реагировать на это. Сданные нам карты сменить нельзя, но можно разыграть их по своему усмотрению».

В этот момент я чувствовал себя абсолютно здоровым и сильным. Я снова был прежним Рэнди. Полная аудитория приводила меня в восторг. Я ощутил прилив адреналина. Я знал, что и выгляжу практически здоровым. Многим наверняка было трудно осознать, что я нахожусь на пороге могилы. Поэтому я продолжил: «Если я не выгляжу подавленным или расстроенным, то простите, что разочаровал вас». Слушатели засмеялись, и я

добавил: «Уверяю вас, я не занимаюсь самообманом. Не думайте, что я не понимаю, что происходит».

Мы с женой и тремя детьми только что переехали. Мы купили прекрасный дом в Вирджинии и отправились туда, потому что нет лучше места для семьи». Я показал снимок нашего нового дома в пригороде. Над фотографией был заголовок: «Я не занимаюсь самообманом».

Я хотел сказать, что мы с Джей решили оторваться от корней. Я попросил ее оставить любимый дом и друзей, которые заботились о ней. Мы оторвали детей от товарищей по играм, которые были у них в Питтсбурге. Мы все упаковали и отдались на волю торнадо наших решений, хотя вполне могли спокойно оставаться в Питтсбурге, дожидаясь моей смерти. Мы пошли на этот шаг, потому что понимали, что после моего ухода Джей и детям будет лучше рядом с родственниками, которые будут любить их и помогать им.

Я хотел, чтобы слушатели поняли, что я хорошо выгляжу и неплохо себя чувствую еще и потому, что мой организм начал оправляться от мучительной химиотерапии и облучения, которым подвергали меня доктора. Я перешел на более легко переносимую паллиативную химиотерапию. «Сейчас я феноменально хорошо себя чувствую, — сказал я. — Я имею в виду, что вам никогда еще

Рэнди Пауш

не приходилось сталкиваться со столь очевидным когнитивным диссонансом: я действительно нахожусь в хорошей форме. Пожалуй, даже в гораздо лучшей, чем многие из вас».

Я подошел к центру сцены. Несколькими часами раньше я не был уверен даже в том, что смогу сюда прийти. Но сейчас я чувствовал себя полным сил и уверенности. Я опустился на пол и начал отжиматься.

В зале раздался смех и удивленные аплодисменты. Я почти почувствовал, как люди выдохнули свою тревогу. Перед ними был не просто какой-то умирающий человек. Перед ними был я. Я мог начинать лекцию.